

Работа, доход и равные возможности: взрослые причины детской бедности*

Дискуссионный материал PDP/19/1
22 апреля 2019 г.

Александр Чубрик, Наталья Щербина

Проект финансируется
Европейским Союзом

Исследовательский
Центр ИПМ

пр-т Газеты «Правда» 11, комн. 315
220116, г. Минск, Беларусь
тел./факс: +375 (17) 207 4725
веб-сайт: <http://research.by/>
e-mail: research@research.by

Детская бедность и Цели устойчивого развития

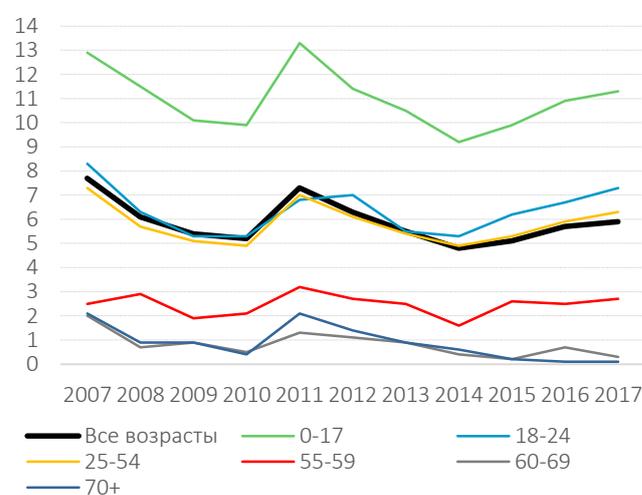
Одной из интегральных задач в рамках достижения Целей устойчивого развития является «сокращение к 2030 г. доли мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям, по крайней мере наполовину». Действительно, при условии корректного и соответствующего «национальным условиям» измерения и разукрупнения уровень бедности является показателем, который может многое сказать и о социальной политике, и о рынке труда, и о территориальных диспропорциях, и об уровне неравенства.

В Беларуси термин «бедность» заменен на «малообеспеченность», который в официальном переводе на английский и вовсе превращается в «[low income](#)» – «низкий доход». Однако этот показатель в действительности измеряет так называемую «абсолютную бедность», то есть национальная черта бедности – прожиточный минимум – представляет собой стоимость минимального набора продовольственных товаров заданной калорийности, умноженную на поправочный коэффициент для учета расходов на базовые непродовольственные товары и услуги¹. Поэтому именно он используется в качестве национального индикатора достижения Задачи 1.2, причем мониторинг предполагает его разукрупнение по полу и возрасту. В то же время целевой параметр на 2020, 2025 и 2030 гг. [установлен](#) только для среднего уровня бедности: 5.5, 4.5 и 4.7% населения соответственно.

Такой подход противоречит принципу Целей устойчивого развития «не оставить никого в стороне», поскольку не позволяет увидеть уязвимые к риску бедности группы, понять причины уязвимости и, соответственно, скорректировать социально-экономическую политику для улучшения положения этих уязвимых

групп. В Беларуси наиболее уязвимой к риску абсолютной бедности группой населения являются дети – в 2017 г.² уровень бедности среди детей почти вдвое превышал средний уровень бедности в стране.

Рис. 1. Абсолютная бедность по возрастным группам, % населения в соответствующем возрасте

Источник: Белстат.

Динамика детской бедности за последние 10 лет показывает ее сильную уязвимость к кризисам (рис. 1). В 2010 г., накануне валютного кризиса 2011 г., она была на уровне 9.9%, а в 2011 г. сразу подскочила до 13.3%. В 2012 г. были резко повышены пособия в связи с рождением ребенка и по уходу за ребенком до 3-х лет, в 2013 г. они были привязаны к средней заработной плате и практически удвоились в реальном выражении, а в 2014 г. доходы населения достигли исторического максимума – все эти факторы помогли снизить детскую бедность до исторического минимума в 9.2%. Однако уже в 2015 г. она начала расти, и этот рост не прекращался до 2017 г., когда уровень бедности среди детей достиг 11.3%.

* Авторы выражают признательность Глебу Шимановичу за консультации и ценные комментарии.

¹ Вопрос о том, насколько величина этого коэффициента позволяет учесть неравномерное повышение цен на нормативно заданный набор продовольственных товаров с одной стороны, и непродовольственных товаров и услуг (особенно жилищно-

коммунальных) с другой стороны, остается открытым. С момента перехода в 4 кв. 2014 г. к такому методу расчета от прямого расчета стоимости полного набора товаров и услуг услуги ЖКХ ежегодно дорожали значительно быстрее, чем продовольственные товары.

² Данные, доступные на момент подготовки материала.

Причины уязвимости детей к риску бедности

Классификация домохозяйств с детьми

Шиманович, Щербина и Чубрик (2018) показали, что риск детской бедности зависит от возраста ребенка (то есть от наличия пособия по уходу за ребенком до 3-х лет) и экономического статуса и уровня оплаты труда родителей. Поэтому далее будет рассматриваться уязвимость к риску бедности детей из двух групп домохозяйств: (1) те, в которых есть хотя бы один ребенок в возрасте до 3-х лет, и (2) те, в которых все дети старше 3-х лет. Для каждой из этих групп выделены следующие типы домашних хозяйств в зависимости от экономического статуса взрослых:

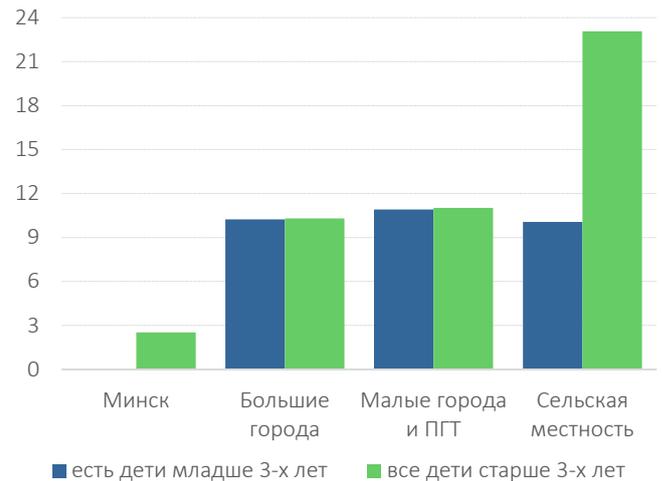
- домохозяйства, в которых работают все мужчины и женщины в трудоспособном возрасте (в тексте упоминаются как «семьи, в которых работают оба родителя»);
- домохозяйства, в которых есть хотя бы одна неработающая женщина в трудоспособном возрасте, а все мужчины в трудоспособном возрасте работают («семьи, в которых не работает только женщина»);
- домохозяйства, в которых есть хотя бы один неработающий мужчина в трудоспособном возрасте, а все женщины в трудоспособном возрасте работают («семьи, в которых не работает только мужчина»);
- домохозяйства, в которых не работают хотя бы одна женщина и хотя бы один мужчина в трудоспособном возрасте («семьи, в которых не работают оба родителя»).

Наконец, для каждой из этих категорий выделяются домохозяйства, проживающие в Минске, больших городах³, малых городах и сельской местности (которые затем укрупняются до двух групп – городская местность без Минска и сельская местность). Уровень бедности рассчитан на основе данных Выборочного обследования домохозяйств по уровню жизни (ВОД) на основе методологии Шиманович, Щербина и Чубрик (2018)⁴. Результаты представлены на рис. 2 и в табл. 1.

Факторы риска: наличие работы и уровень дохода

Основные различия в уровне риска бедности проходят между Минском, остальными городами и сельской местностью. По нашим оценкам, уровень детской бедности в Минске близок к нулю – 1.7% в 2017 г., в больших и малых городах он практически одинаков (10.3 и 11% соответственно), а в сельской местности за чертой бедности оказался почти каждый пятый ребенок (19%).

Рис. 2. Детская бедность в зависимости от наличия в семье детей до 3-х лет и места проживания, %

Источник: собственные расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств по уровню жизни.

Возраст детей имеет значение: в выборке ВОД не оказалось бедных домохозяйств с детьми до 3-х лет из Минска, а уровень детской бедности в остальной стране оказался примерно одинаковым – 10.2% в больших городах, 10.9% в малых городах и поселках городского типа (ПГТ), и 10.1% в сельской местности. В семьях, где все дети старше 3-х лет, уровень детской бедности в Минске составлял 2.5% – вчетверо меньше, чем в остальных городах, и практически на порядок меньше, чем в сельской местности. Таким образом, из дальнейшего анализа детской бедности мы исключаем Минск и объединяем остальные города в одну группу, которую сравниваем с показателями для сельской местности.

Таблица 1. Детская бедность по категориям домохозяйств, % детей, проживающих в бедных семьях каждой группы

	Городская местность	Сельская местность
Есть дети до 3-х лет	10.4	10.1
Работают оба родителя	5.8	5.7
Не работает только женщина	8.4	12.2
Не работает только мужчина	0.0	0.0
Не работают оба родителя	61.7	0.0
Все дети старше 3-х лет	10.5	23.1
Работают оба родителя	8.6	20.0
Не работает только женщина	13.7	35.3
Не работает только мужчина	19.8	50.1
Не работают оба родителя	46.9	45.6

Примечание. Здесь и далее серым цветом выделены группы домохозяйств, составляющие менее 2% от общего числа всех домохозяйств с детьми.

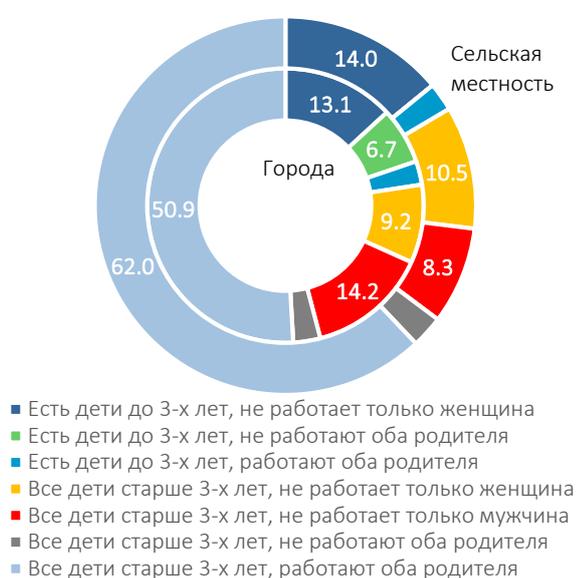
Источник: собственные расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств по уровню жизни.

³ Барановичи, Бобруйск, Борисов, Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Могилев, Мозырь, Новополоцк, Орша, Пинск, Солигорск.

⁴ Шиманович, г., Щербина, Н., Чубрик, А. (2018). *Бедность и социально уязвимые группы населения в Беларуси: Поддержка семей с детьми и ее эффекты*, Исследовательский центр ИПМ.

Домохозяйства, в которых есть дети в возрасте до 3-х лет и женщина не работает⁵, можно упрощенно назвать семьями, в которых мать находится в отпуске по уходу за ребенком. Если в такой семье есть работающий мужчина, то благодаря пособию по уходу за ребенком риск ее попадания за черту бедности (и, соответственно, уровень детской бедности среди таких семей) будет ниже среднего и в городах, и в сельской местности. Группа домохозяйств с детьми до 3-х лет, в которых не работали оба родителя, в выборке ВОД–2017 была очень маленькой (1% в городской и 0.4% в сельской местности), однако в таких семьях из городской местности оказалось 3.6% от общего числа бедных детей по стране в целом; в сельской местности в этой группе в выборке ВОД–2017 не было бедных домохозяйств.

Рис. 3. Удельный вес детей по категориям бедных домохозяйств в общем числе детей за чертой бедности, %

Источник: собственные расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств по уровню жизни.

В домохозяйствах, где все дети старше 3-х лет, существенно вырастает риск детской бедности во всех типах семей (кроме тех, где не работают оба родителя). В таких домохозяйствах риск детской бедности увеличивается с потерей работы одним из родителей, причем если не работает мужчина, то риски выше, поскольку заработная плата матери не компенсирует потерю дохода отца. В городской местности уровень детской бедности в домохозяйствах, где работали оба родителя, составлял 8.6%, где не работала только женщина – 13.7%, только мужчина – 19.8%. В сельской местности ситуация намного более драматичная: в семьях работающих

родителей 20% детей живут за чертой бедности, если не работает женщина – 35.3%, мужчина – 50.1%.

Итоговый эффект от действия факторов риска зависит в том числе от размера группы домохозяйств. Например, самой многочисленной группой бедных детей являются дети старше 3-х лет, у которых работают оба родителя – 62% от общего числа бедных детей в сельской местности и 50.9% – в городской местности (рис. 3). Основная причина в том, что это самая многочисленная группа домохозяйств: они составляют 64.7% от общего числа семей с детьми в городской и 62.7% – в сельской местности. Далее следуют дети из тех семей, где мать находилась в отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет (13.1% в городах и 14% в сельской местности), а также дети старше 3-х лет из семей, где не работал отец, мать либо оба родителя (эти три группы составляют 30% в городах и 18.8% в сельской местности).

Число детей как дополнительный фактор уязвимости

Дополнительным фактором уязвимости к риску бедности является число детей в семье. Во всех категориях бедных семей среднее число детей выше, чем в небедных домохозяйствах с детьми⁶ (табл. 2). Особенно заметны различия для тех домохозяйств, где есть дети до 3-х лет и оба родителя работают: в городах число детей в бедных семьях из этой категории (3 ребенка) вдвое превышало среднее число детей в соответствующих небедных домохозяйствах, а в сельской местности (5 детей) – почти в 2.5 раза.

С одной стороны, это соответствует выводам исследования Шимановича, Щербиной и Чубрика об интеграции рождения детей в стратегии преодоления трудностей: сначала оно позволяет получать пособие, которое превышает заработок большинства женщин, особенно на селе, а затем, когда младший ребенок достигает возраста 3-х лет и его выплата прекращается, оставшиеся в распоряжении семьи доходы распределяются среди большего количества членов семьи, провоцируя реализацию риска бедности. С другой стороны, это означает, что часть семей, осознавая, что ограниченные возможности заработка и риски потери работы могут отбросить их за черту бедности, выбирают рождение меньшего числа детей, чем они были бы готовы при лучшей экономической ситуации или меньшей уязвимости к безработице.

⁵ Среди всех домохозяйств выборки ВОД, в которых были дети в возрасте до 3-х лет, только 0.7% подпадали под критерий «нет неработающих женщин в трудоспособном возрасте, есть хотя бы один неработающий мужчина в трудоспособном возрасте», причем более 70% этих семей проживали в Минске. Среди этой

группы не было бедных домохозяйств. Учитывая, что все эти семьи получали пособия на детей, можно предположить, что в отпуске по уходу за ребенком находился отец.

⁶ Кроме того, среднее число детей в семьях, где есть дети до 3-х лет, выше, чем среднее число детей в аналогичных группах семей, где все дети старше 3-х лет, что свидетельствует о более высокой рождаемости у более молодого поколения родителей.

Таблица 2. Среднее число детей в семье по категориям домохозяйств с детьми, человек

	Город		Село	
	Бедные	Остальные	Бедные	Остальные
Есть дети до 3-х лет	1.8	1.6	2.6	1.8
Работают оба родителя	3.0	1.5	5.0	2.1
Не работает только женщина	1.8	1.7	2.4	1.7
Не работает только мужчина	--	1.3	--	1.6
Не работают оба родителя	1.6	1.4	--	2.6
Все дети старше 3-х лет	1.5	1.3	2.1	1.4
Работают оба родителя	1.5	1.3	2.2	1.4
Не работает только женщина	1.6	1.2	1.8	1.4
Не работает только мужчина	1.4	1.2	2.0	1.1
Не работают оба родителя	1.5	1.2	1.3	1.2

Источник: собственные расчеты на основе данных Выборочного обследования домохозяйств по уровню жизни.

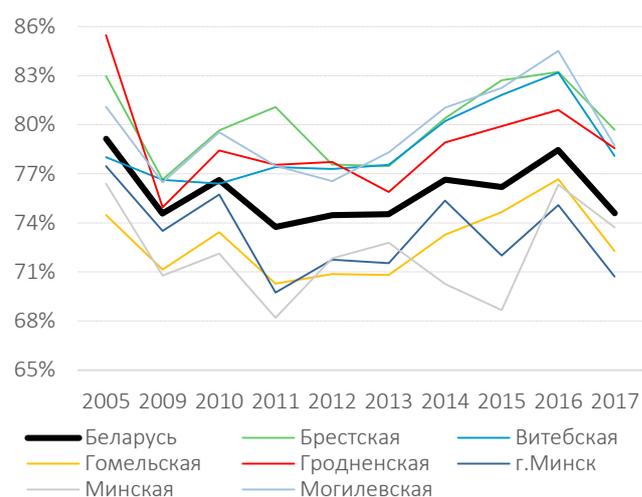
Таким образом, наиболее уязвимы к риску бедности дети, (1) родители которых работают, но мало зарабатывают, и (2) один или оба родителя которых не работают, причем уязвимость к обоим факторам риска более высока в сельской местности и усиливается при увеличении числа детей в семье. Кроме того, уязвимость семей, в которых не работает мужчина, выше, чем семей, где не работает женщина. В основе обоих факторов риска лежат как системные причины (узость локальных рынков труда, низкая эффективность значительной части компаний-работодателей в регионах), так и гендерные дисбалансы (неравный доступ женщин и мужчин к более высоко оплачиваемым профессиям и должностям).

Гендерные дисбалансы на рынке труда как фактор детской бедности

Разница в трудовых доходах мужчин и женщин: общая ситуация⁷

Несмотря на усилия «по достижению гендерного равенства во всех сферах жизнедеятельности общества»⁸, средняя зарплата женщин отстает от средней зарплаты мужчин более чем на четверть, и этот разрыв увеличивается. В декабре 2017 г. средняя зарплата женщин в целом по экономике составляла всего 74.6% от средней зарплаты мужчин, в то время как в 2016 г. этот показатель достигал 78.5%, а в 2001 г. – 81%⁹.

Рис. 4. Средняя заработная плата женщин как % от средней заработной платы мужчин по областям и г. Минску

Источник: Белстат.

Гендерные дисбалансы в оплате труда наиболее заметны в Минске, где заработная плата женщин составляла в декабре 2017 г. 70.7% заработной платы мужчин (см. рис. 4). При этом чем ниже была средняя заработная плата в регионе, тем меньшими были различия в уровне оплаты труда мужчин и женщин. Тенденция к «равенству в бедности» особенно заметно проявилась в 2015–2016 гг. на фоне общего падения уровня заработной платы в стране. В 2016 г. в четырех областях (Могилевской, Брестской, Витебской и Гродненской) фактически был достигнут [целевой показатель](#) ЦУР 8.5.1.1 «Соотношение средней заработной платы женщин и мужчин» (80%), однако уже в 2017 г. ни в одном регионе средняя зарплата женщин не достигала до этого показателя.

Средняя зарплата женщин была ниже средней заработной платы по экономике в 14 из 19 укрупненных видов деятельности (рис. 5), в которых работает более 90% от среднесписочной численности женщин, занятых в экономике. К примеру, в образовании, где работает 20% от всей среднесписочной занятости женщин, их средняя зарплата составляла в декабре 2017 г. 64% от средней заработной платы в стране (в этом секторе работало 5.6% от среднесписочной занятости мужчин, средняя зарплата которых составляла 77% от средней зарплаты по стране). Исключение составляли информация и связь, финансовая и страховая деятельность, профессиональная, научная и техническая сфера, горнодобывающая промышленность и государственное управление, в которых было занято всего 9.5% от среднесписочной численности занятых женщин.

⁷ При подготовке данного раздела использовались материалы конференции «1-й Форум импакт-инвестиций в Беларуси», организованной ПРООН в Беларуси 28 марта 2019 г.

⁸ [Концепция](#) Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 г.

⁹ Судя по всему, в 2018 г. ситуация ухудшилась, поскольку в секторах с большей долей женщин средняя зарплата росла быстрее.

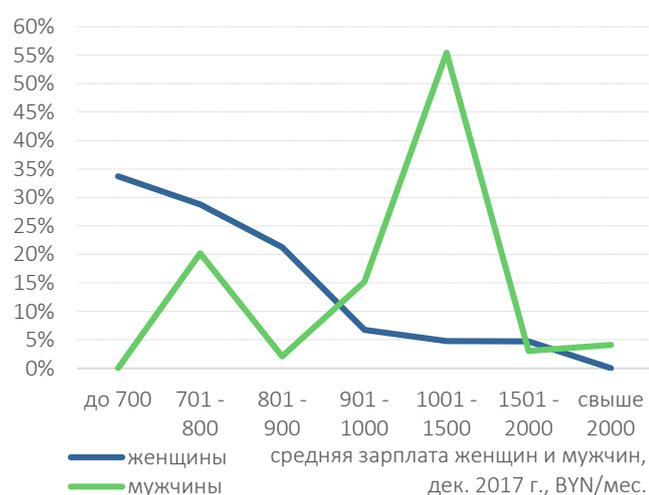
Рис. 5. Средняя зарплата мужчин и женщин в процентах от средней зарплаты в экономике (декабрь 2017 г.)

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

В декабре 2017 г. треть от среднесписочной численности занятых женщин в Беларуси работали в секторах со средней зарплатой женщин менее 700 рублей в месяц (не было ни одного сектора, в котором средняя зарплата мужчин была меньше этой величины), а в секторах со средней зарплатой женщин от 1000 до 1500 руб. – только 4.8%. В то же время в секторах, где средняя зарплата мужчин находилась в этом же интервале, работало большинство мужчин – 55.4% (рис. 6).

Рис. 6. Распределение женщин и мужчин по уровню средней зарплаты в секторах, где они работают, %

Источник: собственные расчеты на основе данных Белстата.

При этом, как правило, чем выше была средняя зарплата в секторе, тем большим оказывался разрыв в

оплате труда мужчин и женщин. Например, в пяти секторах с наименьшей средней заработной платой разрыв между средней зарплатой мужчин и женщин составлял 13.7%, а в пяти секторах с самой высокой средней заработной платой – уже 31.9%.

Разница в уровне образования (которая не транслируется в разницу в доходах)

Различия в уровне дохода между мужчинами и женщинами в среднем не объясняются различиями в уровне образования. Напротив, средний уровень образования женщин заметно выше, чем у мужчин. Согласно данным Белстата, доля женщин с высшим образованием среди женщин, занятых в экономике, в 2017 г. составила 37.7%, а доля мужчин с высшим образованием – 27.7%. Среднее специальное образование имели 26% работающих женщин и 17.9% работающих мужчин, профессионально-техническое – 16.5% женщин и 25.4% мужчин, общее среднее – 18.8% женщин и 26.4% мужчин.

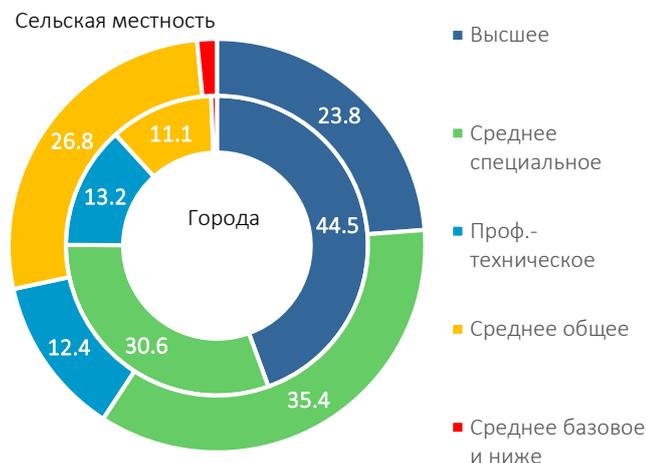
Если ограничить выборку только мужчинами и женщинами в возрасте от 25 до 44 лет из домохозяйств с детьми, то, согласно данным ВОД–2017, среднее общее образование или ниже было у 28.4% женщин и у 34.5% мужчин в сельской местности и у 11.7 и 16.3% женщин и мужчин соответственно в городской местности (см. рис. 7 и 8). Различия в уровне образования между городом и селом коррелировали с различиями в уровне трудовых доходов¹⁰ между ними как для мужчин, так и для женщин – и в том, и в другом случаях

¹⁰ Сюда входит заработная плата на основном и дополнительных местах работы, включая дотации, пособия и дивиденды, за вычетом налогов и удержанных алиментов работы (фактически полученная за год деленная на 12 месяцев), а также другие выплаты

и материальная помощь, которые не включены в заработную плату, натуральные поступления в денежном выражении, а также заработная плата на других работах и доходы от предпринимательской деятельности (все доходы – в среднем за месяц).

трудо­вые до­хо­ды в сель­ской мес­тно­сти со­став­ля­ли 84–86% от го­род­ских. Од­на­ко бо­лее вы­со­кий об­ра­зо­ва­тель­ный у­ро­вень и го­род­ских, и сель­ских же­н­щин по срав­не­нию с муж­чи­на­ми не по­мо­гал им по­лу­чать бо­лее вы­со­кие тру­до­вые до­хо­ды: в го­род­ской мес­тно­сти же­н­щи­ны в воз­ра­сте 25–44 лет в се­мьях с де­ть­ми за­

Рис. 7. Удельный вес женщин в возрасте 25–44 лет из семей с детьми в зависимости от уровня образования, %

Источ­ник: соб­ствен­ные рас­че­ты на ос­но­ве дан­ных Вы­бор­оч­но­го об­сле­до­ва­ния до­мо­хо­зяйств по у­ро­в­ню жи­зни.

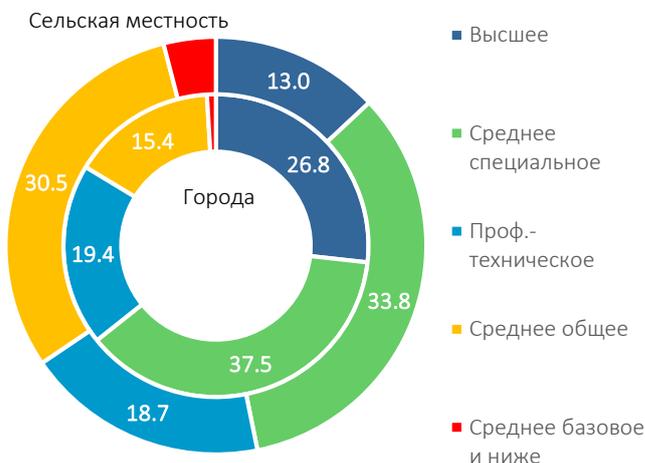
Разница в гендерных ролях, которая закрепляет разницу в доходах

Гендерные дисбалансы в оплате труда возникают главным образом в семьях с детьми: в семьях без детей среди работающих взрослых в возрасте 25–44 года значимое отставание доходов женщин от доходов мужчин есть только в Минске, а в малых городах и сельской местности женщины в этом возрасте из семей без детей зарабатывают и вовсе больше мужчин (рис. 9). Более того, с рождением ребенка мужчины начинают зарабатывать больше: трудовые доходы мужчин в возрасте 25–44 года в семьях с детьми превышают доходы мужчин в том же возрасте из семей без детей в сельской местности более чем наполовину, в городах (кроме Минска) – более чем на треть, а в Минске практически совпадают; в семьях, где есть дети в возрасте до 3-х лет, различия еще большие, в том числе и в Минске.

Зарплата женщин в этом возрасте в семьях с детьми и без детей отличается несущественно: в Минске и крупных городах женщины из семей с детьми зарабатывают меньше, чем из семей без детей, а в малых городах и на селе – примерно столько же. Если учитывать только семьи с детьми старше 3-х лет, то в них женщины (возраст 25–44 года) зарабатывают в малых городах и сельской местности на 6.5 и 1.8% больше женщин из семей без детей соответственно. То есть основная причина в различиях трудовых доходов жен-

рабатывали в среднем 67.3% от уровня трудовых доходов мужчин в том же возрасте в таких же семьях, в сельской местности – 68.9%, а в Минске – 56.2%. Одной из причин такой ситуации является утрата женщинами преимуществ от более высокого уровня образования после рождения детей вследствие длительного нахождения в отпуске по уходу за ребенком.

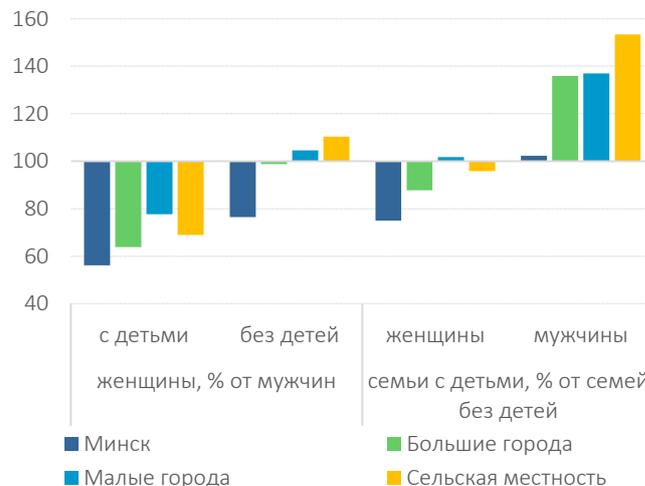
Рис. 8. Удельный вес мужчин в возрасте 25–44 лет из семей с детьми в зависимости от уровня образования, %

Источ­ник: соб­ствен­ные рас­че­ты на ос­но­ве дан­ных Вы­бор­оч­но­го об­сле­до­ва­ния до­мо­хо­зяйств по у­ро­в­ню жи­зни.

щин из семей с детьми и без детей – это резкое их падение после рождения ребенка, связанное с уходом женщин в отпуск по уходу за ребенком (Шиманович, Щербина и Чубрик показали, что среди женщин 18–50 лет из семей с детьми до 3-х лет уровень занятости не превышает 25%). Одновременно у мужчин появляется мощный стимул зарабатывать больше.

Рис. 9. Отношение средних доходов* женщин к средним доходам мужчин** в семьях с детьми и без детей и отношение средних доходов женщин и мужчин в семьях с детьми к средним доходам женщин и мужчин в семьях без детей, %

* средние трудовые доходы (определение дано в сноске 10).
** в возрасте от 25 до 44 лет.

Источ­ник: соб­ствен­ные рас­че­ты на ос­но­ве дан­ных Вы­бор­оч­но­го об­сле­до­ва­ния до­мо­хо­зяйств по у­ро­в­ню жи­зни.

Исходя из приведенных данных, можно предположить, что традиционные гендерные роли и связанное с ними поведение на рынке труда (в частности, выбор женщинами профессий с заведомо более низкой заработной платой, но большими возможностями уделять время «семейным обязанностям») закрепляются с рождением детей. При этом в период отпуска по уходу за ребенком большинство женщин не совмещает работу и уход за детьми, поскольку возможности дополнительного заработка невелики.

Из-за *ожидания* значительного разрыва в доходах в подавляющем большинстве случаев семья выбирает

Рис. 10. Занятое население по фактическому количеству рабочих часов в неделю на основной работе, %

Источник: Белстат.

Неравномерное распределение обязанностей по ведению домашнего хозяйства, и, как следствие, сокращение затрат времени на оплачиваемую занятость влияют на снижение доходов от занятости женщин. В силу «фиксации» устоявшихся в обществе гендерных ролей посредством длительных декретных отпусков и отсутствия четких приоритетов по вовлечению отцов в уход за детьми женщины являются менее «привлекательными» работниками на рынке труда для многих работодателей. Кроме того, принимая на себя большую ответственность ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, при выборе стратегии совмещения профессиональных и семейных обязанностей женщины зачастую сами вынуждены делать выбор в пользу менее оплачиваемой занятости. И в итоге работающей женщине становится крайне сложно обеспечить финансовую устойчивость семьи в случае безработицы, экономической неактивности либо низкого заработка мужчины, особенно если это многодетная семья в регионе, где рынок труда слишком узкий,

выход в отпуск по уходу за ребенком именно женщины. Кроме того, женщины значительно чаще мужчин работают неполную рабочую неделю и значительно реже работают сверхурочно (рис. 10). Соответственно, женщина начинает посвящать значимо больше времени ведению домашнего хозяйства. Согласно данным выборочного обследования домашних хозяйств по изучению использования суточного фонда времени населением (2014 г.), женщины в семьях с детьми в возрасте до 16 лет тратят на ведение домашнего хозяйства и уход за детьми в будний день 5 часов 6 минут – в 2.83 раза больше, чем мужчины, а на работу – 4 часа 47 минут (на 37.7% меньше, чем мужчины), см. рис. 11.

Рис. 11. Суточный фонд времени взрослых в домохозяйствах с детьми до 16 лет (будний день)

Источник: Белстат.

чтобы обеспечить взрослым возможности достойного заработка.

Как гендерное неравенство влияет на детскую бедность

Сохранение традиционных гендерных ролей, предписывающих женщинам большую ответственность за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, а мужчинам – за материальное обеспечение семьи, обуславливает значимую часть рисков детской бедности. Во-первых, с потерей работы одним из родителей они существенно увеличиваются, но если теряет работу отец, то они увеличиваются намного больше (табл. 1), поскольку у него, как правило, более высокий доход. Как показали Шиманович и Чубрик (2015)¹¹, такая уязвимость может особенно заметно проявляться в периоды экономических шоков, сопряженных с увеличением безработицы, поскольку уровень безработицы среди мужчин (5.9% в 2018 г.) значительно выше, чем среди женщин (3.6%). Чем больше женщина «устраняется» из

¹¹ Шиманович, г., Чубрик, А. (2015). [Оценка влияния изменений социально-экономической политики на положение социально-экономическое население Беларуси](#). Исследовательский центр ИПМ

[уязвимых групп населения Беларуси](#), Исследовательский центр ИПМ, отраслевой обзор SR/15/01.

формирования дохода домохозяйства, тем большим шоком для него будет потеря работы мужчиной.

Во-вторых, выбор в пользу рождения и ухода за детьми как альтернатива низкооплачиваемой занятости¹² чреват повышением уязвимости к рискам детской бедности вследствие слабых позиций женщин на рынке труда после выхода из отпуска по уходу за ребенком. Длительный период такого отпуска (в случае с многодетными матерями перерыв в занятости может составлять 9 лет и более) вкупе с низким уровнем образования многих женщин на момент рождения первого ребенка существенно ограничивает возможности квалифицированной занятости для женщин, особенно в сельской местности и малых городах. После выхода из отпуска по уходу за ребенком многие женщины, особенно в сельской местности, могут рассчитывать только на низкооплачиваемую работу и, соответственно, многодетные семьи рискуют попасть за черту бедности сразу после прекращения выплаты пособия по уходу за ребенком. В случае больших семей (3 детей в городской и 5 детей в сельской местности), риск попадания за черту бедности высок и до выхода матери из отпуска по уходу за ребенком, поскольку пособия (в том числе в сумме с доходом второго родителя) перестает хватать на всех членов домохозяйства.

Некоторые выводы для социально-экономической политики

Проблемы гендерного равенства в Беларуси принято обсуждать либо в контексте текущих и будущих достижений страны в этой области (в привязке к Целям устойчивого развития), либо в контексте барьеров и ограничений в отношении женщин. В первом случае упоминается высокий уровень образования и занятости женщин, их активное участие в общественной и политической жизни (высокая доля женщин в парламенте), низкие показатели материнской смертности и улучшение условий для материнства¹³. Во втором случае говорят в том числе про дискриминацию и барьеры для занятости¹⁴, вертикальную и горизонтальную сегрегацию на рынке труда, различия в заработной

плате и доступе к финансовым ресурсам¹⁵. И эти проявления гендерного неравенства имеют прямые последствия для детской бедности.

Сохранение традиционных гендерных ролей, предписывающих женщинам большую ответственность за ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, а мужчинам – за материальное обеспечение семьи, усиливает различия в уровне дохода мужчин и женщин и обуславливает выбор стратегий поведения на рынке труда. Во-первых, женщины, как правило, выбирают профессии с заведомо более низкой заработной платой, но большими возможностями уделять время «семейным обязанностям». Такой выбор повышает риск бедности в семьях с работающими родителями (особенно в сельской местности) и уязвимость домохозяйств к потере работы одним из родителей, прежде всего, мужчиной.

Во-вторых, женщины, особенно в сельской местности, нередко выбирают рождение и уход за детьми в качестве альтернативы низкооплачиваемой занятости. Однако длительное нахождение в отпуске по уходу за ребенком вымывает человеческий потенциал женщин и девальвирует полученное ими образование, причем возможностей для их профессионального восстановления крайне мало. Из-за этого после выхода из отпуска по уходу за ребенком большинство женщин могут рассчитывать только на сравнительно невысокую оплату труда, что формирует те же уязвимости, что и в первом случае, особенно с увеличением количества детей в семье и после прекращения получения пособия по уходу за ребенком.

Традиционно предлагаемые меры корректировки гендерных ролей включают в себя сокращение отпуска по уходу за ребенком, внедрение полноценного отцовского отпуска (как, например, в Швеции или Эстонии), отмена Списка тяжелых работ и работ с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается привлечение к труду женщин, развитие женского предпринимательства и др. Эти важные меры, однако, практически не затрагивают гендерно обусловленных причин детской бедности, которые корре-

¹² В сельской местности большинство рабочих мест сконцентрированы в аграрной сфере, где заработная плата и мужчин, и женщин значительно отстает от средней заработной платы в экономике (72% и 64% соответственно в декабре 2017 г.). Альтернативой занятости в сельскохозяйственных предприятиях является трудовая миграция и мелкая предпринимательская активность, поскольку и малый бизнес, и бюджетная сфера (традиционная для занятости женщин) в сельской местности развиты слабо. Кроме того, как показали Шиманович, Щербина и Чубрик (2018), увеличение пособия по уходу за ребенком до 3-х лет привело к тому, что рождение детей и сокращение интервала между рождением последующих детей во многих сельских семьях стали альтернативой низкооплачиваемой занятости женщин.

¹³ См. [Национальный доклад](#) Республики Беларусь об осуществлении повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г.

¹⁴ См. Артеменко, Е. (2019). [Гендерная дискриминация на рынке труда. Исследование ситуации в сфере гендерной дискриминации на рынке труда и при приеме на работу](#), Международное общественное объединение «Гендерные перспективы».

¹⁵ См. Акулова, М., Агинская, А. (2018). [Женщины в бизнесе Беларуси: особенности, мотивация и барьеры](#), BEROС Policy Paper Series, PP no. 56.

няться в относительно более низкой оплате труда женщин и их более низкой трудовой мобильности по сравнению с мужчинами. На наш взгляд, есть ряд мер, которые способствовали бы и уменьшению гендерных дисбалансов на рынке труда, и снижению бедности, в том числе детской. К ним относятся (1) повышение зарплаты бюджетникам, (2) модернизация региональных служб содействия занятости для повышения эффективности активных мер политики на рынке труда и развитие местного транспортного сообщения, а также (3) повышение пособия по безработице до уровня прожиточного минимума тем людям, которые были уволены в связи с сокращением штата либо по завершению срочного трудового контракта и зарегистрировались в качестве безработного. Ни одна из этих мер не является адресной, однако все они снижают гендерно-обусловленные риски детской бедности.

Повышение зарплаты бюджетникам приведет к снижению разрыва в оплате труда между мужчинами и женщинами, поскольку более трети от среднесписочной численности занятых работают именно в бюджетной сфере (образование, здравоохранение и социальные услуги). Модернизация инфраструктуры и программ переобучения в соответствии с потребностями рынка помогла бы женщинам восстанавливать квалификацию после выхода из отпуска по уходу за ребенком либо просто получать востребованную специальность, в том числе для удаленной работы или работы по свободному графику (важно избегать ситуаций, когда женщинам предлагаются типично «женские» – низкооплачиваемые – профессии), а также обучаться навыкам ведения небольшого семейного бизнеса. Развитие транспортного сообщения между территориями с узким рынком труда и центрами экономической активности повысила бы трудовую мобильность женщин. Наконец, увеличение пособия по безработице позволило бы поддержать семьи, наиболее уязвимые к риску детской бедности, дав потерявшим работу родителям хоть какую-то финансовую «подушку» на время переподготовки и поиска работы с таким уровнем оплаты труда, который позволил бы предотвратить попадание семьи за черту бедности.

Позиция, представленная в документе, отражает точку зрения авторов и может не совпадать с позицией организаций, которые они представляют, а также ни в коей мере не может рассматриваться как позиция Европейского союза.

2019 © Исследовательский центр ИПМ

Авторы:

[Александр Чубрик](#), директор Исследовательского центра ИПМ

[Наталья Щербина](#), внештатный научный сотрудник

Исследовательского центра ИПМ, заведующая сектором социально-демографической политики Института экономики НАН Беларуси